

Игорь Иебра Иглесиас: «Я даже не предполагал, что танец, оказывается, такое сильное, серьезное, мужское дело» Фотограф: Александр Неменов

“Здравствуйте, я царь”

Игорь Иебра Иглесиас — Газете

Газета - 2004 - 16 янв. - с. 9.

Сегодня испанец **Игорь Иебра Иглесиас** станет первым иностранцем, решившимся исполнить партию **Ивана Грозного** в балете на музыку **Сергея Прокофьева**. Накануне с известным танцовщиком встретился **Ярослав Седов**.

Чем вас привлек наш страшный царь и эта труднейшая роль?

Это была детская мечта, то, ради чего я занялся балетом. Вообще-то родители хотели, чтобы балериной стала моя старшая сестра. Заставляли ее учиться, она сейчас известная исполнительница фламенко. А я ни о чем таком не думал. Но однажды увидел по телевизору балет Григоровича «Спартак» — и это определило всю мою жизнь. Сказать, что это было потрясение, мало. Я даже не предполагал, что танец, оказывается, такое сильное, серьезное, мужское дело. Я после этого ощутил себя самостоятельным человеком. Принял решение заняться этой профессией, отправился брать частные уроки. Это был необычный поступок. Но я и так выделялся среди сверстников: мои родители развелись, когда я был подростком. Сейчас таких семей много, а тогда, в католической стране, где брак — дело незыблемое... В нашей школе я был чуть ли не единственный такой. Да еще балет. В глазах друзей мою репутацию спасало только то, что я продолжал играть с ними в футбол и волейбол.

Откуда у вас русское имя?

Русских корней у нас нет, просто мама училась музыке у русских педагогов и очень полюбила «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» Бородина. И я с детства много слышал о России, интересовался ею. Повзрослев, прочитал всего Достоевского в самых ранних переводах на испанский. Теперь вот хочу выучить русский язык, чтобы прочитать его в оригинале. Да и вообще мне это нужно. Во-первых, мне нравится работать в России. Только что, летом, у меня были незабываемые выступления в Уфе, на родине Рудольфа Нуреева, где я танцевал с молодой балериной Большого Анастасией Месковой. Во-вторых, я в этом году поступил на заочное отделение Московской академии хореографии.

Вы и так занимаете на сцене ведущее положение, чему еще вы хотите тут научиться?

Вам хорошо рассуждать, у вас перед глазами множество профессиональных примеров. Вы не представляете, как трудно работать без традиции, когда на ощупь открываешь что-то давно найденное, а спросить или посмотреть негде. Я по-хорошему завидую русским танцовщикам, потому что могу за время своих кратких приездов лишь почерпнуть что-то из источника, в котором они купаются. Если бы я мог все свои партии готовить так, как Ивана с Юрием Владимировым, создателем этой роли! Я работал с ним в Большом театре осенью и сейчас перед спектаклем. В общей сложности около месяца. Я сто раз видел его записи, учил партию по его видеопленке. Но когда первый раз пришел в зал и начал показывать, он меня сразу остановил и сказал: «Так. Понятно. Ничего не знаете». И начал мне показывать все заново, шаг за шагом, пропевать каждую фразу, объяснять, где какие акценты.

Эта хореография сильно отличается от той, к которой вы привыкли?

Да, здесь много трудных поддержек, много движений на коленях, сложное соотношение пластических акцентов с музыкой. Но главное — не физические нагрузки. Этим летом у меня был спектакль, где приходилось чуть ли не сорок минут носить на руках Карлу Фраччи в дуэте. Выдержал. В «Иване» трудно «уложить» материал роли в голову. У меня не такие пропорции тела, как у Владимирова, а тут каждая поза — пластическая эмблема определенной эмоции. И нужно добиться, чтобы вот это движение, например, воспринималось как мольба, а вот это — как яростный вопль. Чтобы почувствовать, правильно ли ты нашел все эти нюансы, одного спектакля, конечно, мало. Надо хотя бы несколько.

А есть планы повторить выступление?

Мы говорили об этом с Андреем Петровым, руководителем «Кремлевского балета». Я был бы только рад. Но пока мой сегодняшний «Иван» — первый и последний. Это ощущение вершины, к которой долго шел, и страшно, что будет потом. В то же время все, что со мной происходит в России, настолько невероятно, что возникает ощущение чуда и надежды. В Европе нельзя себе представить, чтобы такая мировая звезда, как Владимиров, запросто в свободное от работы время по два часа разьяснял самую сложную балетную роль. Чтобы такой театр, как Большой, предоставлял залы, костюмы, позволял заниматься в классе. У нас работают только в рамках контракта. Дальше вы либо дружите на нейтральной почве, либо расходитесь как посторонние люди.

А русские меня принимают как родного. Если бы ваш консул Геннадий Фролов в Мадриде не хлопотал о моих документах, как о собственных, ничего бы не состоялось: я бы не разобрался с этой кучей справок. Я всю жизнь мечтал познакомиться с Григоровичем, по-разному себе это представлял. В итоге мы встретились в аэропорту Шереметьево накануне его дня рождения. Его рейс задержался и прибыл через несколько минут после моего. Я сижу, жду свои чемоданы и вижу: идет Наталья Бессмертнова, улыбается: «О, Игорь, с Новым годом, как вы долетели?» Как будто мы были знакомы всю жизнь. И за ней — Григорович. Они возвращались как раз с премьеры все того же «Грозного» в Париже. Кстати, моя сегодняшняя премьера пройдет в день венчания Ивана IV с Анастасией Романовной. Так что я чувствую себя как во сне, где я стал настоящим Иваном Грозным. Или как в вашей комедии, которую мне тут тоже показали («Иван Васильевич меняет профессию». — **Газета**). Всем, с кем знакомлюсь, говорю, как тот персонаж: «Здравствуйте, я царь».